

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кирчанов М.В. Концепция «короткого XX века» как интерпретационная модель для изучения социально-политической истории Индонезии // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 2. DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.69580 EDN: JEZHWA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69580

Концепция «короткого XX века» как интерпретационная модель для изучения социально-политической истории Индонезии

Кирчанов Максим Валерьевич

ORCID: 0000-0003-3819-3103

доктор исторических наук

доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений; доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Исторический факультет; Воронежский государственный университет; ResearcherID: B-8694-2017; Scopus Author ID: 57193934324

394077, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 16, каб. 236

✉ maksymkyrchanoff@gmail.com

[Статья из рубрики "Историческое время и пространство"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.2.69580

EDN:

JEZHWA

Дата направления статьи в редакцию:

14-01-2024

Аннотация: Статья посвящена возможностям и перспективам использования концепций западной академической исторической науки для изучения социальной и политической истории Индонезии. Цель этого исследования – анализ концепции «короткого XX века» как интерпретационной модели современной исторической науки, претендующей на универсальность. Автор анализирует концепцию «короткого XX века», в использование и популяризацию которой внес вклад Эрик Хобсбаум. Предметом статьи является концепция «короткого XX века», объектом – возможности ее применения и трансплантации в индонезийские исторические исследования. Новизна исследования состоит в анализе концепции «короткого XX века» как интерпретационной модели, которая позволяет анализировать особенности исторического, социального и культурного развития Индонезии в контекстах тех трансформационных процессов,

которые были запущены развитием национализма, модернизацией и секуляризацией. С точки зрения методологии представленная статья основана на достижениях междисциплинарной историографии, что позволяет воспринимать исторические процессы анализируемого периода через более широкие контексты социальной истории, теории модернизации и истории национализма. Предполагается, что интерпретационные модели, предложенные западными историками, претендуют на универсальность, хотя эффект от их трансплантации в западные исторические контексты может оказаться ограниченным. В статье проанализированы 1) особенности социальной и экономической компонент в трансформации Индонезии в период «короткого XX века», 2) раскрыта роль факторов национализма и ислама в политических изменениях в рамках конкуренции и конфронтационной модели взаимоотношений между уммой и правящими элитами, 3) изучены последствия «короткого XX века» для последующей истории региона. В статье показан потенциал концепции «короткого XX века» для анализа истории социальных и политических трансформаций в Индонезии. Результаты исследования позволяют предположить, что эффект использования концепции «короткого XX века» является ограниченным. Автор полагает, что эта интерпретационная модель может быть относительно эффективна и полезна для анализа социальной и политической динамики через призму противостояния светских и религиозных институций как источников и стимулов перемен.

Ключевые слова:

короткий XX век, Индонезия, история, социально-экономическая история, социальная трансформация, модернизация, ислам, национализм, умма, историография

Введение. В XX веке западная историческая наука достигла определенного прогресса в генезисе концептов, претендующих на ограниченную эпистемологическую универсальность. Интерпретационные модели, как правило, предлагались западными историками. Если рассматривать историю западной исторической науки в теоретическом плане, то мы можем предположить, что несколько концепций не просто сменяли друг друга, а сосуществовали одновременно, будучи достаточно влиятельными и значимыми, что предопределяло их использование несколькими поколениями профессиональных историков. В XX столетии западными интеллектуалами было предложено несколько концепций подобного плана, претендующих на статус универсальных. Большая часть подобных идей была связано с междисциплинарными исследованиями национализма. В подобной ситуации история современных государств писалась через призму истории того или иного национализма. Поэтому исторический опыт интерпретировался, оценивался, переосмысливался в контекстах таких концепций как «воображение сообществ» и «изобретение традиций». Эти теории, предложенные в первой половине 1980-х годов, претендовали на определенную универсальность и вполне успешно использовались для анализа исторического, политического, культурного и интеллектуального опыта не только западного мира, но и восточных, африканских, азиатских и латиноамериканских государств. Не стала исключением из подобной динамики развития исторической науки и Индонезия.

Индонезийская интеллектуальная ситуация. Индонезийские интеллектуалы на протяжении второй половины XX века активно использовали различные западные концептуальные подходы для написания и переосмысления собственной истории, которая воспринималась ими как национальная. Если до середины 1960-х гг. на статус

подобной историографической парадигмы в определенной степени мог претендовать марксизм, то политические события 1965 г. привели к маргинализации левых тенденций в интеллектуальной и политической жизни Индонезии. Поэтому индонезийские интеллектуалы были вынуждены подвергнуть определенной ревизии тот методологический инструментарий, который использовался ими для написания и осмысления собственной национальной истории.

Начиная с 1990-х гг. индонезийская историческая наука более активно начинает использовать западные концепции, которые, как было отмечено выше, претендовали на универсальность. Индонезия на протяжении второй половины XX века отличалась устойчивыми и стабильными связями с Западом, которые имели место не только в политике и экономике, но и в историографии. Если значительная часть участников националистического движения, усилиями которых Индонезия в 1945 г. стала независимым государством, получили образование в Европе, то подобная динамика наблюдалась и во второй половине XX века не только в рамках политического класса, но и в интеллектуальном сообществе. Часть индонезийских историков получила образование и защитила магистерские и докторские диссертации в американских, австралийских и европейских университетах, что было связано с усвоением ими тех подходов, которые практиковались в западной историографии.

«Короткий 20 век» как универсалия исторического воображения. Эрик Хобсбаум, известный специалист по истории национализма и британский историк-марксист, известен в современной историографии и благодаря популяризированному им термину «короткий XX век». Изначально подобная интерпретационная модель использовалась преимущественно для исследований, сфокусированных на изучении истории Запада и тех регионов, политические и исторические особенности которых представлялось возможным интегрировать в западные исторические, социальные и политические контексты. С точки зрения хронологии, понятие «короткий XX век» имеет границы, ограниченные соответственно 1918 и 1991 годами. Вместе с тем, такая периодизация ограничено эффективна только для теоретического осмысления и концептуального переосмысления истории Европы в целом и некоторых европейских стран в частности. Глобализация, которая активно началась в XX веке, тенденция интеграции незападных обществ в западные политические модели развития поставили вопрос о возможности применения или неправомерности применения подобных концепций и интерпретационных моделей для изучения и написания истории незападного мира, включая Индонезию.

Методология. С точки зрения методологии, данная статья основана опирается на достижения нескольких поколений историков в рамках междисциплинарной историографии, которая динамично развивалась на протяжении второй половины XX века. Поэтому предполагается, что, анализируя перспективы и особенности трансплантации западных историографических концепций в индонезийские исторические контексты, во внимание следует принимать то, что последние могут быть описаны при помощи понятия «короткий XX век». Само явление «короткого XX века» в индонезийском контексте, с одной стороны, необходимо анализировать с применением того инструментария, который был предложен в рамках интеллектуальной истории, культуральной истории, истории идеи и археологии идей. С другой стороны, следует использовать концепции, которые ранее были предложены исследователями модернизации и национализма. Подобные подходы эффективны, так как обеспечивают историков возможностью анализировать противоречия между социальными темпами и культурными скоростями как исторического развития Индонезии, так и интеграции гуманитарного знания этой страны в западные контексты, что достигается при помощи

трансплантации достижений западной историографии в практики и стратегии историописания, используемые индонезийскими историками.

Географически и хронологические рамки. История Индонезии в XX столетии, вероятно, может рассматриваться через призму «короткого XX века» так как триумф идей национализм и политической модернизации самым существенным образом повлиял на векторы и траектории политического и социально-экономического развития страны, что позволяет нам определять период с 1928 («Клятва молодежи») по 1998 г. (завершение периода «нового порядка») как индонезийский «короткий XX век».

Цель и задачи. В данной статье автор анализирует концепцию «короткого XX века» как как одну из моделей теоретического переосмысления исторического опыта Индонезии, история которой на протяжении XX столетия интерпретировалась через призму теорий национализма и модернизации, что позволяет, принимая во внимание достижения предшествующей историографии, трансплантировать упомянутые выше концепции в культурные, политические, интеллектуальные и историографические контексты Индонезии.

Целью автора в представленной статье является анализ возможности использования концепта «короткий XX век» в качестве интерпретационной модели для изучения исторического опыта Индонезии через призму развития национализма и процессов политической и социально-экономической модернизации. В число задач автора входит 1) анализ истории Индонезии через призму ее интеграции в теоретические подходы, предложенные в рамках концепции «короткого XX века», 2) выявление сильных и слабых сторон этого понятия для изучения исторического опыта Индонезии, 3) изучение ограничений, которые объективно возникают в силу того, что данная модель объяснения была предложена для описания и написания истории Запада, 4) выявление перспектив использования концепции «короткого XX века» как одного из «больших нарративов» для изучения истории Индонезии.

«Короткий XX век»: западные реалии и индонезийские контексты. Трансплантируя концепцию «которого XX века» в исторические контексты Индонезии, во внимание следует принимать конкретное «наполнение» этого понятия, когда оно применяется для изучения западной и американской истории. Эрик Хобсбаум и его сторонники в качестве системных особенностей и характеристик «короткого XX века» выделяли 1) тотальную конфронтацию в том числе и в военной форме; 2) революцию в России, которая привела к установлению коммунистического режима; 3) общий кризис либеральной идеологии в контекстах усиления авторитарных тенденций, что вело к появлению и сохранению (до 1970-х гг.) недемократических режимов на территории, например, Южной Европы; 4) экономический спад в рамках «Великой депрессии»; 5) деколонизацию, распад империй и появление новых национальных или национализирующихся государств, формирующих «третий мир»; 6) послевоенный экономический подъем и следовавшие за ним кризисы; 7) возникновение, прогресс, кризис и падение левой альтернативной модели развития.

Из этих семи характеристик большая часть может быть обнаружена в социальной, экономической, политической, культурной и интеллектуальной истории Индонезии с 1928 по 1998 г. Двумя моделями реализации таких трансформация стали политические режимы Сукарно (1945 – 1967) и Сухарто (1967 – 1998), а идеологической концепцией, призванной легитимировать и мотивировать такие перемены, стал индонезийский национализм. Последний актуализировал большую часть идей, история которых в той или иной степени связана именно с «коротким XX веком», включая саму идею освобождения ранее угнетенной группы, создание и развитие национального государства и

государства-нации, примат национализма в политической и идеологической сфере, жесткая оппозиция левым идеям, проведение политики модернизации при активном участии государства в рамках авторитарной модели. В рамках подобного восприятия содержательное наполнение «короткого XX века» в Индонезии может быть редуцировано до националистической социально-политической модернизации, реализованной в рамках фактически двух недемократических режимов в условиях активного применения как националистической риторики, так и конфронтации между светскими националистическими элитами и исламской альтернативы.

Социальная история «короткого XX века». Рассматривая эти системные особенности «короткого XX века» в Индонезии, во внимание следует принимать ряд факторов, которые самым существенным образом влияли на векторы и траектории развития. Эти процессы относительно детально описаны в историографии, но большинству работ [\[1\]](#), сфокусированных на конкретных направлениях социальной, политической и экономической истории, сводимой к модернизации, явно не хватает теоретических оснований. Для Индонезии раннего «короткого XX века», если мы признаем уместность этого термина, была характерна особая социальная структура. Если значительная часть других колониальных обществ представляла собой социумы с неполными социальными структурами, частично недоразвитыми или полностью отсутствующими институтами, то в Индонезии к 1920-м гг. сложилась другая ситуация.

Стартовые условия для исторической и политической динамики «короткого XX века», которые совпали с началом активного развития националистического движения и деятельности националистов-активистов, выступавших за политическое освобождение и национальный суверенитет Индонезии, соотносятся как хронологически, так и процессуально с важными социальными трансформациями на уровне общественных структур, институтов и отношений колониального общества. Что касается социальной структуры индонезийского населения, то в этом контексте во внимание следует принимать два фактора. С одной стороны, значительную роль в жизни индонезийцев играл ислам [\[2\]](#). С другой, в Индонезии начинались трансформационные процессы, которые привели к эрозии традиционных социальных полусловных групп, которые существовали в различных регионах Индонезии ранее. Таким образом, к началу «короткого XX века, социальная структура индонезийского общества успела в значительной степени измениться. Эта трансформация, механизмы которой были запущены колониализмом, сделала возможным последующую модернизацию в рамках националистической модели.

В этом контексте особую актуальность обретает вопрос, что из себя представляло индонезийское общество во второй половине 1920-х гг., то есть в годы, которыми мы датируем нижнюю хронологическую границу «короткого XX века» на территории Индонезии. В индонезийском обществе существовало несколько социальных групп, но выделение этих групп как социальных носит в значительной степени условный характер, потому что такое деление основывается не на особенностях социального статуса, не на различных имущественных правах и характеристиках, не на разном и неравномерном доступе к экономическим и политическим ресурсам. Вместе с тем, во внимание все же следует принимать и социальный фактор, так как различный доступ как к реальным экономическим, так и символическим политическим ресурсам фактически институционализировал в обществе систему множественного и гетерогенного неравенства [\[3\]](#). Основным критерием, который позволяет нам выделять в рамках индонезийского общества [\[4\]](#), три группы – сантри, абанган и приаи – является отношение представителей этих групп к исламу. Сантри представляли собой верующих и

практикующих мусульман, которые следовали нормам ислама и старались выполнять предписания шариата. Абанган представляли формальных мусульман, в повседневной жизни которых ислам играл, конечно, важную, но все-таки второстепенную роль в сравнении с местными региональными доисламскими верованиями и традициями. Что касается *прияи* [5], то они развивались как группа, представленная сословными элементами [6], связанными с политическими элитами. Таким образом к началу «короткого XX века» индонезийское общество было не просто в значительной степени фрагментированным и гетерогенным с социальной точки зрения, хотя социальность пересекалась с религиозностью.

«Короткий XX век» как историческое время новых социальных групп. В рамках этого социума начинаются процессы формирования новых групп. В 1920-е гг. динамично формируются две новые социальные группы, которые ранее отсутствовали или были маргинальны в силу своей малой численности. Первой такой группой стал формирующийся и активно увеличивающийся индонезийский рабочий класс, что было связано, конечно же, с фактором голландского колониализма [7], который был основным стимулом для социально-экономических трансформаций [8] региональной экономики, призванной обслуживать интересы метрополии.

Несмотря на неравноправный характер отношений между Нидерландами и их колониями, включая Индонезию, влияние Голландии на местное население в определенной степени носило прогрессивный характер, так как содействовало размытию и разрушению традиционных социальных групп и эрозии традиционной модели социальных отношений, основанной в большей степени на уровнях и глубине проявления мусульманской религиозности, а не на классовых статусах и особенностях. Поэтому на смену сословным группам или социальным категориям сословного типа постепенно приходили новые слои населения, которые в западном понимании могут быть определены как новые классы. Первым из них стал рабочий класс. Второй возник несколько позднее и был представлен молодыми политически активными и агрессивными представителями национального движения. Если генезис пролетариата мы можем локализовать в социальной истории городского населения, то националисты как отдельная политическая группа ранее никогда не существовали.

Возникновение национализма и его последующее развитие национализма [9] стали теми факторами, которые на протяжении «короткого XX века» определяли основные векторы и траектории развития общества. Именно националисты как новая социальная категория индонезийского общества, оказалась связанной как с *сантри*, так и с *прияи*. Представители этого нового, динамичного развивающегося социального слоя, получили образование в Европе, как правило, в Нидерландах, привезя в Индонезию европейские идеи, в первую очередь – ценности политического и гражданского национализма. Таким образом, эти две новые формирующиеся группы, представленные рабочим классом и новым активным слоем динамично растущих националистов, стали теми слоями, которые фактически запустили механизмы социальных, политических и экономических трансформаций на территории Индонезии. В подобной ситуации, начиная с конца 1920-х гг. основной тенденцией в истории «короткого XX века» на территории Индонезии, становится развитие индонезийского политического национализма.

«Короткий XX век» как время националистической модернизации Индонезия имеет развитые традиции национализма [10], но в центре авторской рефлексии в представленной статье не событийное измерение истории индонезийского национализма

[11], но в большей степени теоретические вопросы его функционирования на протяжении «короткого XX века». Национализм оказался настолько успешен и эффективен, что был в состоянии запустить механизмы националистической мобилизации и, связанной с ней, модернизации индонезийского социума, автоматически стимулируя и легитимируя широкие изменения социального, культурного и политического плана. Таким образом, националисты как носители идеологии национализма, автоматически содействовали созданию как индонезийской политической и этнической нации, так и определяли ее социальные структуры на уровне деления общества на различные группы.

Анализируя эти социальные компоненты истории «короткого XX века», во внимание, конечно же, следует принимать и определенную генетическую преемственность между старыми группами, представленными сантри и абанган и теми новыми классами, которые возникали и динамично развивались в рамках индонезийского общества. Вместе с тем, традиционные группы, которые модернизирующиеся Индонезия унаследовала от своей колониальной предшественница, конечно же, формально продолжали существовать и в последующие годы. Однако именно модернизация стала тем стимулом, который содействовал постепенному размыванию и разрушению границ между этими группами, которые были не просто социально-экономическими, но и сословно-политическими. В этом отношении история «короткого XX века» в Индонезии, если мы ее редуцируем до истории национализма, может быть описана в категориях модернизации.

Поэтому, как национализм, так его предлагаемый националистами модернизационный проект сыграли ведущую роль став, теми факторами, которые стимулировали прогрессивные изменения. Анализируя историю «короткого XX века» в Индонезии через призму теории модернизации и развития национализма, следует принимать во внимание и то, что национализм, который запустил модернизационные механизмы, став стимулом для социальных, экономических, политических и культурных изменений, не был единственным фактором прогрессивного развития на территории Индонезии. Другим, не менее важным, а пожалуй, даже более важным фактором, который оказывал самое существенное влияние как на социальные, так и политические процессы в Индонезии был ислам.

Несмотря на то, что национализм и исламизм фактически развивались параллельно и одновременно, «глубина, с которой эти дискурсы обсуждались и с которыми соглашалась интеллектуальная элита, была асимметричной. Сильные националистические дискурсы способствовали созданию ключевого политического инструмента, с помощью которого можно было объединить людей разных этнических, расовых и религиозных групп... в дебатах о дискурсе исламской идентичности... не было консенсуса как среди мусульманских ученых, так и между исламистами и светскими националистами» [12]. Несмотря на эти объективные противоречия, к 1920-м гг. индонезийский ислам успел получить не только опыт развития в качестве религиозного учения, но и актуализировал потенциал собственного политического участия. К тому времени существовали первые формально общественные, но фактически политические организации, основной состав участников которых составляли верующие мусульмане. Ислам воспринимался значительными слоями индонезийского общества, в первую очередь, верующими практикующими мусульманами, сантри, как важный фактор как социального развития, так и политического национального освобождения.

«Короткий XX век»: ценности уммы и принципы нации Для ситуации индонезийского «короткого XX века» характерна уникальная ситуация, в основе которой лежала не только конкуренция между двумя диаметрально противоположными идеологиями. Первой

идеологией в этой дихотомии политического развития стал привнесенный с Запада национализм. Второй идеологией являлся политический ислам, но когда мы анализируем социальную и религиозную динамику взаимоотношений между этими системами в индонезийском обществе на протяжении «короткого XX века», во внимание следует принимать то, что в ряде случаев политический национализм и политический ислам фактически играли очень близкие или даже идентичные роли в политических процессах.

Принимая во внимание то, что сама концепция «короткого XX века» генетически восходит к интерпретационным моделям, призванным описывать историю Запада, то следует помнить, что на протяжении этого исторического времени религия существенно ослабила свои позиции в сравнении со светскими идеологиями и научным мировоззрением. «Короткий XX век» в Индонезии демонстрирует иные векторы развития ислама, так как «в странах, где он является основной религией, его власть над людьми за последние сто лет не уменьшилась, а в некоторых случаях окрепла» [\[13, p. 23\]](#). Если националисты боролись за национальное и социальное освобождение, за создание независимой Индонезии как государства-нации, то в значительной степени схожие задачи перед собой ставили и сторонники политического ислама с той лишь разницей, что они не только стремились к созданию независимой Индонезии, но и воспринимали население этой будущей страны не просто в качестве индонезийских граждан, но как мусульман, то есть членов уммы. Ислам в такой ситуации позиционировался как системный элемент будущей независимой индонезийской государственности [\[14\]](#).

Таким образом, опыт исторического развития индонезийского ислама на протяжении «короткого XX века» демонстрирует адаптивный политический потенциал, так как идеология исламизма фактически была призвана артикулировать интересы верующих на уровне политических и социальных институтов и отношений в рамках индонезийского общества, которое развивалось, с политической точки зрения, как светское. В этом контексте истории Индонезии «короткого XX века» представляется не только историей конкуренции между исламизмом и политическим национализмом, но и развитием противостояния между двумя успешными проектами – проектом политической гражданской индонезийской нации и проектом уммы, которая оказалась не менее успешной на фоне активизация националистов.

Ранняя независимая Индонезия «короткого XX века»: поиски модели развития. Эта конфронтация националистов и верующих привела к тому, что, начиная с середины 1940-х гг., отношения между этими ранее союзными социальными группами, оказываются в значительной степени нарушенными. Поэтому история «короткого XX века» может быть редуцирована до интеллектуальной истории национализма или истории идей политического ислама [\[15\]](#). Этому содействовало создание независимой Индонезии в 1945 г., что, однако не привело к ее превращению в Исламское государство, а ислам не был упомянут в качестве основы политической и государственной системы, на что рассчитывали исламисты. Утверждение светской модели привело и к игнорированию законов шариата, которые воспринимались сторонниками политического ислама как основа будущей индонезийской государственности на правовом уровне.

Поэтому история индонезийской модернизации на протяжении «короткого XX века» фактически может быть описана в категориях конкуренции, противостояния двух модернизационных по своей природе проектов – светского националистического и религиозного исламского. Если Индонезия, в которой к власти в 1945 г. приходят светские националисты, оказалась склонной к реализации технократической модели управления и решения конкретных задач, связанных с развитием индонезийской

экономики, то на противоположном идеологическом полюсе находились индонезийские исламисты, которые также предприняли попытку создания параллельных государственных структур. Последнее привело к провозглашению Исламского государства Индонезия, но к середине 1960-х гг. этот проект был ликвидирован.

Авторитаризм «короткого XX века». Вместе с пресечением угрозы со стороны радикального политического ислама, в условиях глубокого политического кризиса, в Индонезии был отстранен от власти первый лидер – президент Сукарно [\[16\]](#), на смену которому пришел Сухарто [\[17\]](#). Последний выстраивал свой политический режим как авторитарный и в значительной степени антиисламистский. В этой ситуации в основу развития режима в качестве его системной парадигмы был положен в первую очередь индонезийский политический гражданский национализм с характерным для него технократическим подходом к управлению [\[18\]](#). Вместе с тем, особенно на раннем этапе, Сухарто активно использовал насилие [\[19\]](#). Именно последнее активно практиковалось в качестве универсальной формы коммуникации между режимом и той частью общества, которая его не принимала или отказывалась это делать. Наряду с борьбой, направленной против радикального ислама, Сухарто, опиравшийся в проведении такой политики на вооруженные силы [\[20\]](#), ликвидировал и левую угрозу.

Поэтому, если первая половина «долгого XX века» прошла под знаком усиления и развития индонезийского коммунизма [\[21\]](#), то его вторая половина – фактически в условиях отсутствия левой альтернативы. В такой ситуации политический проект модернизации обезопасил себя от угроз слева, но был вынужден реагировать на вызовы со стороны политического ислама. Склонность к авторитарным моделям управления привела к консервации политического режима, в первую очередь – элит [\[22\]](#), установленного в середине 1960-х гг. именно с помощью насилия [\[23\]](#). Режим «орба» или «нового порядка» [\[24\]](#), тем не менее, оказался относительно эффективным, несмотря на характерную для него коррупцию, экономические и социальные проблемы [\[25\]](#). Именно начиная с 1970-х гг. Индонезия стала активно практиковать привлечение иностранных инвестиций, что вело к вынужденной перестройке как инфраструктуры, так и всей системы социальных экономических отношений и институтов, стимулируя миграцию в города, что существенно меняло структуру социума.

Важнейшим фактором таких изменения стала индустриализация, запущенная в Индонезии в 1980-е гг. [\[26\]](#). Комментируя особенности режима «нового порядка», Э. Рэйд полагает, что «Индонезия Сухарто занимала последнее место в рейтинге политических и гражданских свобод, и ее правительство не включило их в список национальных приоритетов. Права человека действительно стали проблемой в эпоху реформ после Сухарто, начиная с 1998 года, но именно консерваторы чаще ссылались на индонезийские традиции, в то время как правозащитники искали личные свободы как неотъемлемый аспект той универсальной современности, к которой они стремились. Другими словами, свобода как ключевая концепция, скорее всего, воспринималась как западная или современная и редко как индонезийская по своей сути» [\[27, p. 105\]](#). Такая ситуация, которая сложилась в Индонезии на протяжении второй половины «короткого XX века», стала фактически отражением исторически возникшей дихотомии, основанной как на одновременном софункционировании, так и на параллельном противостоянии ценностей национализма и политического ислама.

«Короткий XX век»: цикличность вызовов и угроз. Следствием развития

авторитарного этапа в истории «короткого XX века» в Индонезии стало усиление ее экономики, начиная с 1980-х гг., что, правда, может быть объяснено не успехами авторитарных элит, но общей благоприятной экономической конъюнктурой. Тем не менее, в условиях подобного экономического роста Индонезия к концу «короткого XX века», условно датируемому 1998 г. [\[28\]](#), сталкивается уже с новыми угрозами и вызовами. В данном случае перед политическими элитами «нового порядка», постепенно подверженного упадку и стагнации, становится задача решения этих проблем, которые исходили из условно «новых» вызовов. Правда, эти угрозы только формально мы можем определить как «новые», потому что фактически они были представлен тем же политическим исламом, который отличался от более раннего предшественника только тем, что пришло другое поколение исламистов, а лозунги исламизации практически не изменились.

В этой ситуации авторитарный режим Сухарто, который на раннем этапе функционировал как антиисламистский, начиная с 1990-х гг., постепенно подвергался умеренный исламизации и, таким образом, к концу «короткого XX века», то есть к 1998 г., Индонезия оказывалась в ситуации, которая напоминала стартовые условия, в которых индонезийское общество вступило в «короткий XX век». Комментируя «короткий XX век» в целом, Э. Хобсбаум подчеркивал отсутствие «серьезных сомнений в том, что в... начале 1990-х годов закончилась одна эпоха в мировой истории и началась другая» [\[29, p. 12\]](#). Это допущение представляется вполне уместным для исторического процесса в Индонезии, так как уход Сухарто и начало демократического транзита существенно изменили основные векторы и траектории развития страны. Индонезийское общество, таким образом, оказывается уже в значительной степени другим и отличным от общества второй половины 1920-х гг., но оно продолжало оставаться фрагментированным в контекстах сохранения формального разделения на сантри и абанган.

Вместе с тем, эти группы утрачивают свои социальные статусные статусы, так как большую роль начинают играть политические и идеологические противоречия, связанные, в первую очередь, с конкуренцией между двумя доминирующими идеологическими дискурсами, представленными политическим национализмом и политическим исламом. Таким образом, социально-экономическая, политическая и интеллектуальная история «короткого XX века» в Индонезии прошла в условиях доминирования целей и задач модернизации, осуществление которой было отягощено конкуренцией между двумя ее альтернативными версиями, ограниченными светским национализмом и политическим исламом.

Выводы. Концепция «короткого XX века» может применяться для изучения новейшей истории Индонезии, но при этом во внимание необходимо принимать ее многоуровневый характер, что проявляется в наличии у данного историографического подхода как сильных, так и слабых сторон.

Несколько факторов актуализируют сильные стороны концепции «короткого XX века» для ее трансплантации в индонезийские исторические контексты.

Анализируя историю Индонезии через призму «короткого XX века», мы вынуждены принимать во внимание параллельное действие ряда факторов. Национализм в XX веке стал одной из универсальных политических идеологий, а социально-экономическая и политическая логика развития исторического процесса обеспечивает историков многочисленными примерами, когда именно национализм играл ведущую роль в определении основных векторов и траекторий развития общества. Использование подобной интерпретационной модели содействует расширению наших представлений о

социальной, экономической и политической новейшей истории Индонезии. Таким образом, мы можем рассматривать ее не просто через призму событийной, исключительно политической, истории, но сама концепция «короткого XX века» позволяет рассматривать историю Индонезии более конкретно и более сжато. Это дает возможность иначе расставлять исследовательские акценты, концентрируя внимание именно на социальной составляющей или религиозной компоненте процессов политической модернизации. В этом контексте, если мы используем потенциал исторического ревизионизма, политический режим Сукарно, представленный «направляемой демократией» и «новый порядок» Сухарто выглядят более сложно, чем представлялось в предшествующей историографии. Таким образом, концепция «короткого XX века» позволяет нам в одинаковой степени учитывать как достижения ранней историографии, которая накопила значительный опыт в интерпретации событийной компоненты истории 20 века, так и актуализирует возможность применить достижения в большей степени теоретических работ, представленных исследованиями, посвященными процессам модернизации и развития национализма.

Наряду с интерпретационным потенциалом изучаемой концепции во внимание следует принимать и ее слабые стороны.

Исторически концепция возникла на Западе и, вероятно, именно поэтому она активно используется для изучения именно западной истории. Поэтому попытки ее трансплантации в незападные, в данном случае – индонезийские, контексты может носить искусственный характер. В такой ситуации потенциал компаративного подхода актуализирует свой ситуативный характер, что создает опасность сближения и сравнения индонезийского и западного исторического опыта, неподкрепленного достаточным материалом, представленным социальной и экономической историей.

В целом, в сложившейся историографической ситуации не представляется возможно исключать того, что их потенциал концепции «короткого 20 века» окажется востребованным последующими поколениями историков, которые будут рассматривать историю Индонезии комплексно и междисциплинарно через призму одновременного и параллельного соразвития светских и религиозных институтов и стоящих за ними форм идентичностей.

Библиография

1. *Vickers A.* A History of Modern Indonesia. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 306 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511801020>
2. *Woodward M.* Java, Indonesia and Islam. Heidelberg: Springer, 2010. 275 p.
3. *Zwart P. de,* Inequality in late colonial Indonesia: new evidence on regional differences // *Cliometrica*. 2022. Vol. 16. P. 175-211. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11698-020-00220-3>
4. *Ali M.* Categorizing Muslims in Postcolonial Indonesia // *Moussons*. 2007. No 11. P. 33-62. DOI: <https://doi.org/10.4000/moussons.1746>
5. *Brenner S.* Competing Hierarchies: Merchants and the Priyayi Elite in Solo, Central Java // *Indonesia*. 1991. No 52. P. 55-83. DOI: <https://doi.org/10.2307/3351155>
6. *Sutherland H.* The Priyayi // *Indonesia*. 1975. No 19. P. 57-77. DOI: <https://doi.org/10.2307/3350702>
7. *Indonesian Economic History in the Dutch Colonial Era* / Ed. A. Booth, W.J. O'Malley, A. Weidemann. New Haven: Yale University Press, 1990. 369 p.
8. *Dick H.* The Emergence of a National Economy: An Economic History of Indonesia,

- 1800–2000. Honolulu: University of Hawaii Press, 2002. 304 p.
9. *Kartodjirdjo S.* Some Problems on the Genesis of Nationalism in Indonesia // *Journal of Southeast Asian History*. 1962. Vol. 3. No 1. P. 67-94.
 10. *De Silva M., Lai Yew Meng,* The Roots and Evolution of Nationalism in Indonesia // *Akademika*. 2021. Vol. 91. No 3. P. 93-104. DOI: <https://doi.org/10.17576/akad-2021-9103-08>
 11. *Кирчанов М.В.* Национализм и модернизация в Индонезии в XX веке. Воронеж: Научная книга, 2009. 250 с.
 12. *Yuliantri R.D.A., Suwignyo A.* Revisiting the ideological negotiation of Indonesian identity, 1900–1942 // *Politics, Religion & Ideology*. 2024. January 5. URL.: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/21567689.2023.2301560?src=DOI>: <https://www.doi.org/10.1080/21567689.2023.230156>
 13. *Gellner E.* Conditions of Liberty: Civil Society and Its Rivals. L. – NY.: Penguin Group, 1996. P. 23. 240 p.
 14. *Кирчанов М.В.* Исламское Государство Индонезия (1949–1962 гг.) как параллельная и альтернативная форма развития индонезийской государственности // *Исламоведение*. 2022. № 4. С. 30-42.
 15. *Federspiel H.* Indonesian Muslim Intellectuals of the Twentieth Century. Singapore: National University of Singapore Press, 2006. 96 p.
 16. *Setiadi A.* Soekarno Bapak Bangsa. Yogyakarta: Palapa, 2013. 180 hlm.
 17. *Elson R.* Suharto: A Political Biography. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 389 p.
 18. *Lane M.* Unfinished Nation. Indonesia Before and After Suharto. L. – NY.: Verso Books, 2008. 312 p.
 19. *Violence and the State in Suharto's Indonesia / ed. B. Anderson.* Ithaca: Cornell University Press, 2001. 247 p.
 20. *Federspiel H.* The Military and Islam in Sukarno's Indonesia // *Pacific Affairs*. 1973. Vol. 46. No 3. P. 407-420.
 21. *Mortimer R.* Indonesian Communism Under Sukarno: Ideology and Politics, 1959–1965. Jakarta: Equinox Publishing, 2006. 464 p.
 22. *Jenkins D.* Suharto and His Generals. Indonesian Military Politics, 1975–1983. NY.: Equinox Publisher, 2010. 330 p.
 23. *Robinson G.* The Killing Season: A History of the Indonesian Massacres, 1965–1966. Princeton: Princeton University Press, 2018. 456 p.
 24. *Legge J.D.* Suharto's New Order // *International Affairs*. 1968. Vol. 44. No 1. P. 40–47.
 25. *Vatikiotis M.* Indonesian Politics Under Suharto: Order, Development, and Pressure for Change. L. – NY.: Routledge, 1993. 220 p.
 26. *Puspitawati E.* South-South Integration and the SDGs: Enhancing Structural Transformation in Key Partner Countries of the Belt and Road Initiative // *United Nations Conference on trade and development*. NY.: UNO, 2021. URL.: https://unctad.org/system/files/official-document/BRI-Project_RP07_en.pdf
 27. *Reid A.* To Nation by Revolution: Indonesia in the 20th Century. Singapore: National University of Singapore Press, 2011. 360 p.
 28. *Eklöf S.* Indonesian Politics in Crisis: The Long Fall of Suharto, 1996–1998. Copenhagen: Nordic Institute of Asian Studies Press, 1999. 272 p.
 29. *Hobsbawm E.* The Age of Extremes. A History of the World, 1914–1991. L. – NY.: Knopf Doubleday Publishing Group, 1996. 627 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня многочисленные эксперты – философы, социологи, политологи – говорят о завершении периода европоцентризма, или, вернее сказать, атлантикоцентризма. Ближайшие годы покажут справедливо ли это мнение, ведь еще сто лет назад О. Шпенглер рассуждал о «закате Европы». В то же время даже современный школьный учебник всеобщей истории, да и в общем-то вузовские учебники истории на профильных специальностях прежде всего насыщены информацией по истории Европы и Америки, уделяя гораздо меньше внимания Азии и Африке. Более того, во многом наши исторические подходы (в том числе, и концепция К. Маркса) наполнены именно европоцентрическим смыслом, в связи с чем представляется важным обратиться к изучению различных западных концептов применимо к азиатско-африканскому региону. Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является концепция «короткого XX века» как одна из моделей теоретического переосмысления исторического опыта Индонезии. Автор ставит своими задачами проанализировать историю Индонезии через призму ее интеграции в теоретические подходы, предложенные в рамках концепции «короткого XX века», показать сильные и слабые стороны этого понятия для изучения исторического опыта Индонезии, рассмотреть ограничения, которые объективно возникают в силу того, что данная модель объяснения была предложена для описания и написания истории Запада, выявить «перспективы использования концепции «короткого XX века» как одного из «больших нарративов» для изучения истории Индонезии».

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать возможность применения концепта «короткого XX века» применимо к индонезийской истории.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 30 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы. Из используемых автором трудов укажем на работы М.В. Кирчанова, А. Виккерса, М. Вудварда, Д. Дженкинса, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения индонезийской истории. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований в известной мере способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей Индонезии, в целом, так и западными подходами к истории Индонезии, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет

актуальность темы, показывает, что «содержательное наполнение «короткого XX века» в Индонезии может быть редуцировано до националистической социально-политической модернизации, реализованной в рамках фактически двух недемократических режимов в условиях активного применения как националистической риторики, так и конфронтации между светскими националистическими элитами и исламской альтернативы». Автор обращает внимание на то, что «триумф идей национализма и политической модернизации самым существенным образом повлиял на векторы и траектории политического и социально-экономического развития страны, что позволяет нам определять период с 1928 («Клятва молодежи») по 1998 г. (завершение периода «нового порядка») как индонезийский «короткий XX век». В работе показаны, как интерпретационный потенциал рассматриваемой концепции, так и ее слабые стороны.

Главным выводом статьи является то, что «потенциал концепции «короткого 20 века» окажется востребованным последующими поколениями историков, которые будут рассматривать истории Индонезии комплексно и междисциплинарно через призму одновременного и параллельного соразвития светских и религиозных институтов и стоящих за ними форм идентичностей».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

В тоже время к статье есть отдельные замечания:

1. В тексте имеются опечатки (например, «автор анализирует концепцию «короткого XX века» как как одну из моделей теоретического переосмысление исторического опыта Индонезии», «Второй возник несколько позднее и был представлен молодые политически активными и агрессивными представителями национального движения» и т.д.).

2. В тексте имеются разночтения в написании дат («XX век», «20 век»).

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

на статью «Концепция «короткого XX века» как интерпретационная модель для изучения социально-политической истории Индонезии».

Предмет исследования обозначен в названии и раскрыт в тексте статьи.

Методология исследования основывается на принципах объективности, научности и системности. Данная статья опирается на достижения исторической в рамках междисциплинарной историографии второй половины XX века. Автор рецензируемой статьи пишет, что «анализируя перспективы и особенности трансплантации западных историографических концепций в индонезийские исторические контексты, во внимание следует принимать то, что последние могут быть описаны при помощи понятия «короткий XX век». А «Само явление «короткого XX века» в индонезийском контексте, с одной стороны, необходимо анализировать с применение того инструментария, который был предложен в рамках интеллектуальной истории, истории идеи и археологии идей и т.д.. С другой стороны, следует использовать концепции, которые ранее были предложены исследователями модернизации и национализма». Автор статьи подчеркивает, что такой

подход эффективен, т.к. «обеспечивают историков возможностью анализировать противоречия между социальными темпами и культурными скоростями как исторического развития Индонезии, так и интеграции гуманитарного знания этой страны в западные контексты, что достигается при помощи трансплантации достижений западной историографии в практики и стратегии историописания, используемые индонезийскими историками».

Актуальность темы определяется тем, что история Индонезии рассматривалась через призму западных теоретических конструкций,» большая часть которых была связана с междисциплинарными исследованиями национализма, а исторический опыт интерпретировался в контекстах таких концепций как «воображение сообществ» и «изобретение традиций». Эти теории в определенной мере претендовали на универсальность и использовались для анализа не только истории западных стран, но и восточных, в их числе и Индонезии. В статье анализируется «концепция «короткого века», охватывающая период 1918-1991 гг., которая активно применялась британским исследователем национализма, историком-марксистом Э. Хобсбаумом применительно к истории Индонезии. Цель автора рецензируемой статьи анализ «концепции «короткого века» как одну из моделей теоретического переосмысления исторического опыта Индонезии новейшего времени.

Научная новизна статьи определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна определяется тем, что в статье фактически впервые исследуется всесторонне и глубоко исследуется применимость данной концепции в качестве интерпретационной модели для изучения исторического опыта Индонезии через призму развития национализма и процессов политической и социально-экономической модернизации.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, язык точный, ясный и эта ясность, и четкость помогает читателю воспринимать текст статьи достаточно легко. Структура работы логично построена и направлена на достижение цели и задач исследования. Структура работы состоит из следующих разделов: Введение; Индонезийская интеллектуальная ситуация; «Короткий 20 век» как универсалия исторического воображения; Методология; Географические и хронологические рамки; Цель и задачи; «Короткий XX век»: западные реалии и индонезийские контексты; Социальная история «короткого XX века»; «Короткий XX век» как историческое время новых социальных групп; «Короткий XX век» как время националистической модернизации; «Короткий XX век»: ценности уммы и принципы нации; Ранняя независимая Индонезия «короткого XX века»: поиски модели развития; Авторитаризм «короткого XX века»; «Короткий XX век»: цикличность вызовов и угроз; Выводы. Название разделов соответствуют их содержанию. Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен. Выводы объективны и вытекают из проделанной работы. Автор показывает сильные и слабые стороны концепции «короткого века» для изучения истории Индонезии новейшего времени.

Библиография работы показывает очень хорошее знание автором темы исследования и подготовлена на широком комплексе в основном англоязычных источников (числом 29) по теме и смежным темам, написанных в основном в последние годы (несколько работ написаны в 1990-ые годы) Библиография грамотно оформлена.

Апелляция к оппонентам представлена на Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации по теме исследования и полученных результатов. Апелляцией к оппонентам является также библиография работы.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему и вызовет интерес у специалистов.